

ГЛАВА VIII.

Исторія.

Для обученія исторіи Толстой считаетъ лучшей книгой Библию, особенно Ветхій Завѣтъ. Она интересовала дѣтей больше, чѣмъ всякая другая. «Мнѣ кажется,—говоритъ Толстой,—что книга дѣтства рода человѣческаго всегда будетъ лучшей книгой дѣтства всякаго человѣка». Ему кажется невозможнымъ чѣмъ-либо замѣнить ее, и всѣ сокращенія и передѣлки ея представляются менѣе удобными, чѣмъ оригиналь. По его мнѣнію, Библия является совершеннѣйшимъ созданіемъ искусства. «Можетъ-быть, испорченнымъ барышнямъ нельзя давать Библии въ руки,—говоритъ Толстой,—но читая ее крестьянскимъ дѣтямъ, я не измѣнялъ и не вышускалъ ни одного слова. И никто не хихикалъ за спиной другъ друга, и всѣ слушали ее съ замираніемъ сердца и естественнымъ благоговѣніемъ... Какъ все понятно и ясно, особенно для ребенка, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ строго и серьезно!.. Я не могу себѣ представить, какое возможно было бы образованіе, если бы не было этой книги?»

Библия какъ бы поднимала передъ учениками завѣсу, скрывавшую отъ нихъ прелесть того міра мысли, знанія и поэзіи, въ который должно ввести ихъ ученіе. Дѣло учителя возбудить въ дѣтяхъ любопытство и желаніе слѣдовать за нимъ. И Библия въ рукахъ Толстого впервые возбудила это любопытство, какъ не могло возбудить его ничто другое. Они всегда были рады слушать ее и послѣ готовы были слѣдовать за своимъ учителемъ все дальше и дальше, куда ранѣе не хотѣли итти.

Никакая другая книга «не соединяетъ въ себѣ,—говоритъ Толстой,—въ столь сжатой поэтической формѣ всѣ тѣ стороны человѣческой мысли, какія соединяетъ въ себѣ Библия. Всѣ первоначальныя отношенія людей между собой, семьи, государства, религіи въ первый разъ сознаются въ этой книгѣ.